

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Круг неточников. Кирилло-Мефодиевское наследие является предметом диахронного описания. По отношению к классическим старославянским памятникам такой подход вполне естественен. Однако имеется значительный корпус текстов, которые с одинаковым успехом можно рассматривать и как древние, и как современные. Я имею в виду корпус церковнославянских текстов, входящих в современную богослужебную практику или связанных с практикой современного православного благочестия. Формальным критерием, позволяющим отнести конкретный текст к числу используемых в современной церковной практике, мы будем считать наличие переизданий (или изданий), осуществленных в XX–XXI вв. При этом речь идет о книгах, аудиторией которых издатели считают православных. Классифицируя эти тексты, можно выделить следующие рубрики¹:

Книги, используемые в общественном и частном богослужении: Служебник, Требник, Минен, Триоди, Октоих, Ирмологий и т. д. Именно богослужебные книги представляют собой ядро корпуса церковнославянских (далее — *цсл*) текстов. В эту же рубрику следует, по всей видимости, включать Типикон, представляющий собою своеобразную инструкцию по использованию богослужебных книг. Богослужебные книги, в свою очередь, содержат значительное количество ремарок и комментариев, заимствованных из Типикона.

Священное Писание. Следует иметь в виду, что Священное Писание существует в двух вариантах — служебном (более архаичном

¹ Подробнее об объеме церковнославянского корпуса см. [Добровольский и др., в печати].

в языковом отношении) и четьем². Богослужбная и четья редакции Писания отличались друг от друга еще в византийской традиции. Эти различия унаследовала и церковнославянская книжность. В XVIII в. в триодных паремьях богослужбная редакция была заменена четвым текстом, в то время как в минейных паремьях оставалась прежняя, более архаичная редакция. Таким образом, в современной богослужбной практике сосуществуют обе редакции Священного Писания, имеющие заметное количество лексических различий.

*Акафисты*³. Среди церковнославянских текстов акафисты занимают особое место. Как известно, по степени русификации и размытости языковой нормы акафисты превосходят все другие виды церковнославянской книжности. При этом, согласно представлениям читателей (слушателей) акафистов, они написаны не на русском языке, а на цел. Среди цел текстов, написанных в XIX–XXI вв., акафисты явно преобладают. Эти тексты дают исследователям весьма ценный материал, поскольку они отчетливо демонстрируют представления широкой массы верующих о церковнославянском языке.

Источники канонического права. Здесь следует назвать впервые изданную в 1839 г. Книгу правил⁴, официально заменившую Кормчую. Язык этой книги был подвергнут заметной русификации.

Святоотеческая литература и агиография. Благодаря деятельности русских переводчиков второй половины XIX в., основной массив святоотеческих текстов существует на русском языке. При этом тексты, изначально написанные по-гречески, в основном читаются по-русски (даже при наличии церковнославянских переводов), а тексты русских подвижников, как правило, на русский язык не переводятся. По-славянски читаются Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Паисий Величковский, Димитрий Ростовский и др. Язык каждого из этих авторов имеет особенности, выходящие за пределы церковнославянской нормы. Ряд таких исконно церковнославянских текстов был в XVIII–XIX вв. подвергнут языковой унификации. Такой унификации подверглись, например, Минеи Димитрия Ростовского⁵, которые представляют собой наиболее полный свод агиографических текстов.

2. Синхрония и диахрония. Для описания перечисленных в предыдущем разделе типов текстов с равным успехом могут применяться как

² См. [Людоговский 2006; 2010].

³ См. [Попов 2013; Людоговский и Плякин 2010; Людоговский 2010а; Людоговский и Плякин 2013].

⁴ Об этой книге см. [Белякова 2004; 25–27].

⁵ Минеи Димитрия Ростовского имеются в русском переводе, однако церковнославянский текст также переиздается.

синхронные методы, так и диахронные. Основанием для диахронного описания является тот факт, что цел описывается как язык определенного корпуса текстов, большая часть которого была окончательно сформирована, по крайней мере, к середине XVIII в. Однако при функциональном подходе, то есть определяя цел как богослужебный язык, используемый в настоящее время в русской, болгарской, сербской и некоторых других православных церквях, нам придется обратиться уже к современной языковой ситуации.

До недавнего времени общепринятой оставалась точка зрения, согласно которой начиная с XVIII в. церковнославянская книжность консервируется и уже не развивается [Матиссен 1984: 61–64]. Лишь в последние десятилетия это представление было поколеблено, с одной стороны, благодаря изучению истории создания и редактирования имеющегося корпуса церковнославянских текстов, а с другой — выяснением того, что лексика и метафорика богослужебных текстов продолжала и продолжает меняться и развиваться.

2.1. Деятельность справщиков и редакторов. Если во второй половине XVII в. в результате Никоновской и послениконовской книжной sprawy сформировалась современная редакция богослужебных книг, то на протяжении XVIII–XIX вв. происходила языковая и орфографическая унификация существующих текстов. Она осуществлялась не при помощи грамматических описаний (нормативных церковнославянских грамматик нет и сегодня), а благодаря деятельности типографских справщиков, стремящихся стандартизировать книги, издаваемые синодальными типографиями. Техническая возможность такого способа нормализации связана с тем, что право выпускать богослужебные книги имели только три синодальные типографии: Московская, Санкт-Петербургская и Киевская. При этом подавляющее большинство текстов выходило в Москве. В середине XIX в. церковные власти и типографские справщики предприняли максимум усилий для того, чтобы языковые и орфографические нормы этих типографий сблизились [Кравецкий 2008].

Деятельность справщиков XIX в. была направлена на то, чтобы язык богослужебных книг был грамматически правильным. При этом работа над унификацией текстов велась при отсутствии описания нормы. Грамматика Смотрицкого и другие грамматические сочинения хотя и использовались, но информация, содержащаяся в этих сочинениях, была явно недостаточна. Таким образом, решение задач консервации и унификации вело к постоянной эволюции нормы. Наиболее активно этот процесс касался орфографии и пунктуации.

Следует также отметить появление в последней четверти XIX в. ряда экспериментальных церковнославянских изданий, предназначенных для учебных целей. Назовем хотя бы осуществленные Н. Ильминским издания Учебного октоиха и Учебного часослова, содержащие определенную архаизирующую правку⁶, а также серию полиглотт, выпущенных Санкт-Петербургской синодальной типографией по инициативе П. Гильтебрандта⁷, текст которых был подвергнут достаточно существенному редактированию.

В начале XX в. на страницах церковной печати развертывается дискуссия о языке богослужения, результатом которой стало создание Комиссии по исправлению богослужебных книг (1907–1917). Результатом деятельности этой комиссии стало создание новой редакции Постной и Цветной Триоди. Предпринятые исправления должны были сделать церковнославянский текст более понятным для носителей русского языка⁸.

Русификация и отказ от грамматических конструкций, могущих вызвать затруднения, были общей особенностью работы типографских справщиков в начале XX в. Эти же особенности мы наблюдаем в ряде других изданий, например, в увидевшей свет в 1909 г. Минее дополнительной, о которой пойдет речь ниже.

2.2. Новые тексты. В XVIII — перв. пол. XIX в. новые богослужебные последования хотя и появлялись, но в основной круг богослужебных книг входили лишь в исключительных случаях. Процесс включения новых служб в Минеею заметно активизировался в 90-е гг. XIX в., а в 1909 г. увидела свет Минеея дополнительная — сборник богослужебных последований, не входивших в прежнюю редакцию Служебных миней⁹. Предполагалось, что в будущем материал этой книги будет полностью распределен по соответствующим томам Служебной миней. Следует сказать, что в языковом отношении службы, включенные в Минеею дополнительную, были несколько русифицированы. Здесь, например, практически не употреблялись формы двойственного числа. Однако эта книга, как и все дореволюционные издания богослужебных текстов, проходила через руки справщиков синодальных типографий, благодаря чему не выходила за рамки церковнославянской нормы.

⁶ Подробнее об этих изданиях см. [Кравецкий и Плетнева 2003].

⁷ См. [Кравецкий, в печати].

⁸ Об этих изданиях см.: [Балашов 2001: 194–250; Кравецкий и Плетнева 2001: 74–124].

⁹ Об этом издании см.: [Кравецкий и Плетнева 2001: 264–266; Чуриловский 1909].

Радикальное расширение круга основных богослужебных текстов произошло в 80-е гг. XX в. В 1978–1988 гг. появляется новое издание Служебных миней, куда вошло значительное количество как новых русифицированных текстов, так и архаичных, извлеченных из средневековых рукописей. При подготовке этого издания использовались не только многочисленные дореволюционные издания отдельных служб, но и рукописи, полученные составителями из монастырей и храмов, в которых эти службы свершались [Краевский и Плетнева 2001: 269–273]. Таким образом, произошло значительное расширение круга богослужебных текстов, входящих в основной богослужебный корпус.

3. Размывание нормы или языковая эволюция? В XVIII — начале XX в. имелся механизм контроля за нормой церковнославянского языка. Обязанностью справщиков синодальных типографий было наблюдение за языковой правильностью. Различия типографских практик¹⁰, касающиеся в основном незначительных орфографических особенностей, определяли пределы вариативности церковнославянской нормы.

Возможности расширения нормы появились в результате экстралингвистических причин. После революции синодальные типографии, обеспечивающие строгость нормы церковнославянских изданий, были уничтожены, и новые службы стали распространяться почти исключительно в рукописном и машинописном виде. Подобный «самиздатовский» способ распространения богослужебных текстов совершенно меняет представления о норме. Во-первых, в машинописных копиях совершенно иная орфография, а значит, та орфографическая система, которую выработали типографские справщики, перестала воспроизводиться. Во-вторых, церковная власть утратила возможность каким-либо образом влиять на процесс книгоиздания. Если до революции духовная цензура и централизация книгоиздания обеспечивали, в числе прочего, и следование языковому стандарту, то теперь представления о границах нормы стали крайне размытыми.

После Отечественной войны, когда в СССР церковное книгоиздание вновь стало возможным, возобновилось и издание богослужебной литературы. Теоретически издательство Московской Патриархии брало на себя функции синодальных типографий, наблюдающих за устойчивостью нормы. На практике же ситуация оказалась более сложной. Дело в том, что у Московской Патриархии не было технической возможности

¹⁰ См. [Краевский 2008].

набирать тексты церковной кириллицей (типографские шрифты были уничтожены еще в 20-е гг.). В результате церковнославянские тексты стали выходить или в виде репринтов, или же новым набором. При этом в качестве оригиналов для репринтных изданий использовались книги, принадлежащие разным орфографическим и текстологическим традициям. А набирать тексты заново было возможно лишь гражданской кириллицей. Причем набор используемых литер соответствовал набору литер, необходимых для набора текстов, написанных на русском литературном языке (здесь отсутствовала диакритика, ять, ижица, и-восьмеричное и т. д.). В таком виде был издан ряд отдельных чинопоследований, молитвословы, а также комплект Служебных миней.

Сосуществование двух способов графического оформления церковнославянского текста существенным образом повлияло на восприятие правил пунктуации. В церковнославянском основной функцией знаков препинания является указание на место, где чтец должен сделать паузу. На эту функцию, кстати сказать, указывает и внутренняя форма этого слова. Согласно грамматике Смотрицкого 1619 г. «*Полагаетца запятѣа ѿдохомъ в мѣлѣк глѣмое костоураицеи и препинѣица*» [Кузьминова 2000: 153]. Аналогичным образом описывает употребление запятой и Московское переиздание этой грамматики (1648 г.): «*Полагаетца запятѣа ѿдохомъ, в мѣлѣк глаголемое, и дѣже костоураетца и препинѣетца, иже несовершенѣи рѣчи чкорнѣи*» [Кузьминова 2007: 71].

Современная русская пунктуация устроена иначе и ориентирована на выделение логической структуры предложения. Эта система формировалась в течение XVIII в. [Осипов 2010: 248–251] и зафиксирована в многочисленных описаниях, в том числе и в школьных учебниках. В результате обучения в школе дети довольно быстро стали воспринимать пунктуационную систему русского языка как единственно возможную, что неизбежно вело к ее влиянию на церковнославянскую. Церковнославянская пунктуация стала восприниматься как «испорченная русская». В церковнославянских грамматиках разделы про пунктуацию обычно констатируют, что «в нынешних церковно-библейских и церковно-богослужебных книгах место и начертательная форма знаков препинания большею частью подчинены требованиям нашей орфографии» [Класовский 1857: 102], а затем сообщают, что вместо знака вопроса употребляется точка с запятой и т. п.

Во второй половине XIX в. периодически высказывались предложения приблизить пунктуацию церковных книг к нормам гражданской пунктуации. В своей программе исправления богослужебных книг¹¹

¹¹ О программе еп. Августина см. [Плетнева 2002].

епископ Августин (Гуляницкий) писал о необходимости «правильно расставить знаки препинания», причем под «правильностью» он понимал следование правилам русской пунктуации: «О великой важности этого дела для правильного чтения и надлежащего уразумения читаемого, думаем, нечего говорить много: это само собою понятно всякому истинно грамотному человеку. А что в тексте богослужебных книг наших (равно как и греческих) знаки препинания расставлены далеко не везде правильно, — в этом легко убедиться, прочитав две-три странички из любой такой книги» [Августин 1885: 101]. Приблизить церковнославянскую пунктуацию к русской стремились члены синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг. В Триодях, исправленных в начале XX в., последовательно выделяются запятыми обращения, снимаются запяты, соединяющие однородные члены с одиночным союзом *и*, и т. д. [Кравецкий и Плетнева 2001: 109–110]. Наконец, в церковнославянских изданиях, набранных гражданской кириллицей, правила постановки знаков препинания оказываются практически неотличимыми от соответствующих правил русской пунктуации.

Однако в ряде изданий продолжает использоваться и прежняя пунктуационная система. Это связано с тем, что богослужебные книги рассчитаны на чтение вслух, а не про себя. Церковному чтению удобнее следовать за пунктуационными знаками, обозначающими место пауз, а не подчеркивающими логическую структуру предложения. Особенное раздражение церковных чтецов вызывает выделение обращений, которые при чтении вслух не выделяются паузами. Поэтому издательства, выпускающие богослужебные книги, часто сознательно отталкиваются от логической пунктуации и предпочитают интонационную. А в изданиях, набранных гражданской кириллицей, используется параллельная разметка: знаки препинания ставятся в соответствии с правилами русской пунктуации, а места пауз выделяются знаком слэша или астериска.

4. Семантическое развитие. Семантические процессы не прерывались в цел и после того, как он утратил функции литературного языка. Это процессы продолжались и в XIX, и в XX, и в XXI в. В качестве иллюстрации, подтверждающей этот тезис, мы рассмотрим распределение слов *русский / российский* в богослужебных текстах, а также способы номинации новых явлений и реалий.

4.1. Русский / российский. В дореволюционных печатных Минеях (в других богослужебных и библейских книгах слова *русский* и *российский*, по понятным причинам, практически не встречаются) мы наблюдаем абсолютное преобладание атрибута *российский*.

В оцифрованном минейном корпусе (куда входит ряд служб, отсутствующих в дореволюционных минеях) фиксируется более тысячи словоупотреблений *российский* и чуть более 100 — *русский*¹². А если учитывать только дореволюционный минейный корпус, число примеров с атрибутом *русский* будет совсем небольшим. Это слово встречается лишь в нескольких старых службах. Неоднократно оно встречается в службе Борису и Глебу (2 мая): *и́мниже хрѣтосѣ просвѣтити всѣхъ оградѣ рѣскѣи, днѣсь земля рѣскаѣ вѣми свѣтитѣся, ѣкшъ болицѣ*¹³ и т. д. По одному примеру нашлось в службах Иосифу Волоцкому (9 сентября: *прѣидѣте оублажѣнѣи ... свѣтѣльница рѣскаѣго*¹⁴), Алексию Московскому (12 февраля: *цѣркви рѣскаѣ, первопрестѣблѣный іерѣрше*)¹⁵ и Александру Невскому (23 ноября: *Рѣдѣсѣ, князѣи рѣскаѣхѣ похвало*)¹⁶.

Широкому распространению в гимнографии слов *русский* / *Русь* мы обязаны, как это ни парадоксально, влиянию светской культуры. В первой половине XIX в. актуальным становится концепт святой Руси. Вопрос о происхождении этой словесной формулы нельзя считать решенным. По всей вероятности, она восходит к фольклору. Довольно часто это словосочетание встречается в духовных стихах. Например:

Выходил Егорий на святую Русь,
Завидел Егорий свету белого,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное.
И пошел Егорий по святой Руси,
По святой Руси, по сырой земле
Ко тому граду Иерусалиму.
[Голубинная книга 1991: 54]

¹² Этот вопрос, конечно же, нуждается в дополнительном исследовании. Оцифрованный корпус, которым мы пользовались, содержит тексты, которые подвергались позднейшему редактированию.

¹³ Минейя 2 мая (Борис и Глеб), утреня, седален по первом стихословии (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

¹⁴ Минейя 9 сентября (Иосиф Волоцкий), утреня, седален по 3 песне канона (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

¹⁵ Минейя 12 февраля (Алексий Московский), утреня, канон (творение Епифания Славинецкого), песнь 9 (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

¹⁶ Минейя 23 ноября (Александр Невский), малая вечерня, стихира на стиховне 2 (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

Поскольку записи фольклора относятся к XVIII–XIX вв., сложно с уверенностью утверждать, что эта формула восходит к глубокой древности. И. Л. Бусева-Давыдова, рассматривавшая содержание понятия *святая Русь*, связывала его появление с Макарьевскими канонизациями 1547 и 1549 гг.: «Небывалое возрастание святости в Русском государстве не могло не сопоставляться с ситуацией в других православных странах, где святость в основном «убывала» (за счет уничтожения реликвий иноверцами и оттока их на Русь)» [Бусева-Давыдова 2007: 37]. Нам это предположение не кажется убедительным, поскольку формула *святая Русь* попадает в гимнографию не в XVI, а лишь в XX в. Трудно себе представить, что инновация, толчком к которой послужили канонизации, а значит — редактирование или создание новых служб, не нашла отражения ни в службах, ни в житиях. В фольклорной традиции упоминания о *святой Руси* (в форме *святорусский*) фиксируются уже в самых первых записях. Так, в одной из песен, записанных в 1619–1620 для английского пастора Ричарда Джемса, находим:

Зрадовалоя царство Московское
И вся земля святорусская <...>

И дай, Господи, здоровъ был православный царь,
князь великий Михайло Федоровичь,
а ему здержати царство московское,
и вся земля Святорусская.
[ПЛДР 1987: 538–539]

Словарь русского языка XI–XVII вв. в качестве первой фиксации этой формулы ссылается на «Повесть об азовском осадном сидении», которая, как известно, испытала значительное влияние фольклорной традиции: «*Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж намъ на святой Руси! А смерть наша грешнича в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское*»¹⁷. В этом же тексте встречается и такое словоупотребление: «*Не впрям ли еще вы на Руси богатыри светорусские?*»¹⁸.

¹⁷ Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков / Подл. текста Н. В. Поньрко [ПЛДР 1988: 151].

¹⁸ [ПЛДР 1988: 141].

В русской литературе Нового времени эта формула начинает активно использоваться после войны с Наполеоном. В романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.» (1829) формула *святая Русь* встречается 22 раза, а в его следующем романе «Рославлев или русские в 1812 г.» (1830) — 7 раз. Эту формулу мы обнаруживаем и у В. Ф. Одоевского:

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава!
Весело ляжем живые
За святую Русь¹⁹.

Примеров такого рода довольно много. Остановимся лишь на программном тексте В. А. Жуковского «О стихотворении: Святая Русь (письмо кн. П. А. Вяземскому)»²⁰.

Святая Русь — это слово ровесник христианской России. Оно дано ей, как говорят твои стихи, при ее крестинах, и никогда не потеряет своего глубокого смысла, хотя и вошло в разряд обыкновенностей (*lieux communs*). <...> Святая Русь — как часто и давно это слово повторяется, как мы к нему привыкли, как многие употребляют его даже в ироническом смысле — но сказанное теперь <...>, не изумляет ли оно своею новостью и своею истиной? Не выражает ли оно для нас с новою убедительностью, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашей верой, любовью и надеждой? Не явнее ли означается в нем этот особенный союз наш с Богом, веледствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его *Русской Бог* [не *Российский Бог*, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров]. *Русской Бог*, — *Святая Русь*, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет. В выражении *Святая Русь* — отзывается вся наша особенная история; это имя Россия ведет от Крешатика; но свое глубокое значение оно приобрело со времен раздробления на уделы, когда над разными и подчиненными князьями

¹⁹ [Одоевский 1958: 135].

²⁰ [Жуковский I: 121–122]. Разрядка и курсив даны в соответствии с этим изданием.

был один главный, великий, когда при великом княжестве было множество малых, от него зависящих, и когда это все соединялось в одно, не в Россию, а в Русь, то есть не в государство, а в семейство, где у всех были одна отчизна, одна вера, один язык, одинакия (sic!) воспоминания и предания; вот отчего и в самых кровавых междоусобиях, когда еще не было России, когда удельные князья беспрестанно дрались между собою за ее области, для всех была одна, живая, нераздельная Святая Русь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамай: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным, боевым криком; им утешала нас наша Церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле: оно должно было получить удивительный смысл на устах Великого Иоанна III, уничтожившего рабство татарское и вдруг явившегося самодержавным обладателем *всей России*. С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокушным сокровищем царя и народа.

Это письмо В. А. Жуковского важно для нас потому, что фиксирует противопоставление *святой Руси* (явления если не мистического, то духовного плана) и *Российской Империи* (государственного образования).

Мы не знаем, откуда в русскую литературу начала XIX в. пришла эта формула, но исходя из общих соображений, можно предположить, что из фольклора. Г. П. Федотов, специально интересовавшийся вопросом о том, чем была *святая Русь* для мира духовных стихов [Федотов 1991: 95–96], обратил внимание на то, что в духовных стихах практически не встречается слово *Церковь*, а ее место занимает *святая Русь*.

Активизацию употребления формулы *святая Русь* в церковной письменности можно связать с празднованием трехсотлетия Дома Романовых²¹. В проповедях, произнесенных в связи с этим событием, интересующая нас формула встречается очень часто. Приведем лишь несколько примеров. Вот проповедь священника Михаила Слуцкого²²: *о священном торжестве на св. Руси* [Слуцкий 1913: 4]; *несчастная страдалца наша родина — св. Русь* [там же: 8]; *откликнулась тысячами сердец св. Русь* [там же: 12]; *народное торжество*

²¹ На эти проповеди нам указала Е. Левкиевская.

²² [Слуцкий 1913]. Любопытно, что М. И. Слуцкий пользуется сокращением *св. Русь*.

освобождения св. Руси от врагов; когда св. Русь была очищена от врагов [там же: 17]; моления, чтобы царь св. Руси был избран по воле Божией; печальник св. Руси патриарх Гермоген [там же: 17]; под скипетром благословенного Дома Романовых крепла, росла, ширилась св. Русь [там же: 20]; Вечная память богатырю св. Руси [там же: 21] (речь идет о Петре I); великого вождя, спасшего св. Русь от Наполеона [там же: 22]; да поможет Ему (Николаю Второму) Господь победно вести св. Русь и великий русский народ к счастью и величю [там же: 23] и др. Таких проповедей в 1913 г. было произнесено очень много. Обращает на себя внимание, что в ряде примеров святая Русь употребляется в значении 'Российское государство' и даже 'Российская Империя'.

Именно к этому времени относится и первая фиксация формулы святая Русь в гимнографическом тексте. Впервые это выражение в цел тексте появляется в составленной между 1913 и 1917 гг. службе Ермогену Московскому: *Бг҃Ѹ нашемѸ трѡбѡмъ слава, текѣ же, сщ҃енномѣче ѿрмогене, долакетъ радѡватися ко гвѣтѣ лица сщ҃ѡ и непрестанно молитися, да не погнѣнетъ рѡсь сщ҃ла...*²³

Для гимнографии второй половины XX в. это сочетание актуализовалось благодаря стихире на стиховне «Службы всем святым в Земле Российской просиявшим»: *Новый домъ сщ҃вфрѡдова, оудѣла избранный, рѡсь сщ҃ла, храни вѣрѸ православію, въ нейже текѣ сщ҃твержденіе*²⁴. Встречается такое словоупотребление и в Общей минее: *Вгдѡ земля россійскаа чьмѡю кезкожіа и кѡновыма ѡзлобленіема кыста, тогда мнози хр҃ітолюбивіи людіе на гвѡрѡкѡ ракоути изгнани кыша и глѡдѡ, мрѡзѡ, зноѡ и смѣрть лютеи мѡжественнѡ претерпѣша, вѣрон же, надеждею и лютеи сокоупленн, достѡвнѡи коепѡкахѸ пѣнь: да кѡгословнѣтъ гдѡ рѡсь сщ҃ла* [МО 2011: 19]. Однако регулярного противопоставления обьятой озлоблением Российской земли и святой Руси здесь нет.

Судя по всему, расширение сферы употребления слов Русь / русский за счет Россия / российский связано с влиянием русского литературного языка на церковнославянский. Это очень хорошо демонстрирует текст брошюры «Трехсотлетие великого воспоминания», в начале которой помещена молитва, посвященная 300-летию Дома

²³ Утренняя канон, п. 9 // (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

²⁴ Служба всем святым в Земле Российской просиявшим (вторая неделя по Пятидесятнице), стихира на стиховне (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>). В первых изданиях Службы этот текст отсутствует. Время и обстоятельства его появления должны стать предметом специального исследования.

Романовых²⁵. В этой молитве формы *Русь / русский* не встречаются ни разу (слово *российский* употреблено 9 раз), в то время как в основном тексте *Русь / русский* употреблено 52 раза, а *Россия / российский* всего 15²⁶. То есть форма *Русь / русский* недопустима в церковнославянском тексте, в то время как в русском она оказывается преобладающей.

В церковных текстах вытеснению слова *российский* словом *русский* препятствовало официальное название церковной организации — *Православная Российская Церковь*. При этом обиходным было название *Русская Церковь*²⁷.

В дальнейшем наименование *Русская Православная Церковь* становится официальным, что не могло не повлиять на словоупотребление гимнографов, трудившихся в послевоенный период. Слово *русский* все более активно употребляется в литургической поэзии. Мы обнаруживаем его в службах Амвросию Оптинскому (10 октября): *ѡзариахъ сѣи кѣи зѣмаи рѣснѣи*²⁸; Макарию Московскому (30 декабря): *крѣкѣ*

²⁵ Молитве Православные Церкви Российския на 21 день февруария 7421 (1913) г. [Голубев 1913: 3–5].

²⁶ В упомянутых выше проповедях М. И. Слущкого формы *рус / россе* соотносятся как 77/22, а у Филеевского — 28/34.

²⁷ Во время дискуссий члены Поместного собора 1917–18 гг. чаще говорили о *Русской церкви*, в то время как в соборных определениях — официальных документах — Церковь называется *Российской*. Постепенно наименование *Русская Православная Церковь* начинает преобладать. Отчасти это было связано с тем, что наименование *Российская Православная Церковь* стало официальным названием обновленческой церковной организации. Так, резолюция обновленческого Великого предсоборного совещания (10–18 июня 1924 г.) требовала «признать Священный синод... единственным канонически закономерным высшим органом управления *Российской Православной Церкви*» [Резолюции 1924: 35]. Одновременно патриарх Тихон начинает называть себя главой *Русской Православной Церкви* [Губонин 1994: 232]. Однако регулярным такое наименование не становится. Проблема соотношения слов *русский* и *российский* в церковных документах могла бы стать темой самостоятельного исследования. Нам же достаточно констатировать, что во время Второй мировой войны в документах митр. Сергия (Страгородского) наименование *Русская церковь* полностью вытесняет прежнее словоупотребление. После легализации Московской Патриархии *Русская Церковь* становится основным единственным названием. В изданиях Московской Патриархии это название употребляется и по отношению к прошлому, то есть к тому времени, когда церковная организация называлась *Православная Российская Церковь*.

²⁸ Миняя 10 октября (Амвросий Оптинский), утреня; икос (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

пролітіє і раздужаїніє землі рѣссіа; соко́ря сѣ́иха рѣссіиха, і́же і҃циі́емъ чѣвои́мъ, сѣ́и҃телею, дѣ́внѣ просла́вленъ бѣ́и҃тъ»²⁹; свѣ́тительно І́ннокентію: цѣ́ковь рѣссіа въ землі́ а́меріка́нцѣ́й кѣ́дѣвѣ сѣ́и҃тельскѣ́ю о́чре́ждаетъ³⁰. В службе Іоанну Кро́нштадтскому і́мется кра́егра́нне Свѣ́тѣ́льнне́ землі́ рѣссіа³¹.

Теперь посмотрим, каким образом устроено распределение слов *российский / русский* в Общей минее. Регулярными и, кажется, не знающими исключений являются словоупотребления *новомученик российский, исповедник российский, страстотерпец российский*. По отношению к Церкви чаще употребляется слово *русский*: *кѣ́ра нечѣ́стѣа на цѣ́ковь рѣссіа възакнѣ́етъ* [МО 2011: 15]; *почто́и҃ти корѣ́вѣ цѣ́кви рѣссіа* [там же: 17]; *кѣ́ра го́нѣ́ннѣ цѣ́кови рѣссіа ѡ́дѣржа́ше* [там же: 49]; *въ го́днѣ́ гонѣ́ннѣ на цѣ́кови рѣссіа* [там же: 52, 54]; *і́збѣ́вѣ цѣ́кови рѣссіа* [там же: 61]; *кра́ждѣ́и҃щихъ про́чнѣ́ цѣ́кви рѣссіа* [там же: 62]; *во днѣ́ же го́нѣ́ннѣ на цѣ́кови рѣссіа* [там же: 63] и др. Однако встречается и *Росси́йская цѣ́ковь*: *і́зкѣ́рннѣ́ бѣ́омъ ѡ́ цѣ́квѣ́ рѡссі́йскѣ́а* [там же: 57], *сѣ́бѣ́а ѡ́дѣ́шкѣ́ннѣ́ цѣ́кви рѡссі́йскѣ́а* [там же: 61]. Как уже говорилось, в дореволюционных богослужебных книгах практически единственным возможным было наименование *Росси́йская цѣ́ковь*. Вытеснение определения *росси́йская* определением *русская* вполне естественно. Здесь ассоциативный ряд *Русь* — *святость* идет рука об руку с официальным названием *Русская Православная Церковь*. А форма *росси́йская* подерживается лишь традицией.

Еще одна пара конкурирующих сочетаний — *земля русская* и *земля росси́йская*. Насколько можно судить по имеющемуся в нашем распоряжении оцифрованному корпусу, сочетание *земля русская* встречается чаще, но о заметном преобладании здесь не приходится говорить: *кѣ́иха сѣ́иха землі́ рѡссі́йскѣ́а* [там же: 55]; *сѣ́гда ѡ́гнѣ́дѣ́ вѣ́ра въ землі́ рѡссі́йскѣ́й ѣ́ да не погнѣ́етъ землѣ́ рѡссі́йскѣ́а* [там же: 56]. А вот несколько примеров на *русскую землю*: *погнѣ́и гдѣ́ зѣ́млю рѣссіа* [там же: 50]; *да кѣ́гословнѣ́тѣ́ зѣ́мля рѣссіа гдѣ́* [там же]; *совладѣ́и гдѣ́ зѣ́млю рѣссіа въ правосла́внѣ́* [там же: 58]; *ѡ́сѣ́нѣ́а зѣ́мля рѣссіа нѣ́чѣ́тѣ́ побѣ́днѣ́скнѣ́и* [там же: 60]; *кѣ́ровнѣ́ мѣ́нѣ́скнѣ́и ѡ́сѣ́нѣ́а сѣ́и зѣ́млю рѣссіа* [там же: 61]. Никаких смысловых различий между словами *русский* и *росси́йский* в текстах Общей минеи не прослеживается.

²⁹ Миней 30 декабря (Макарий Московский), утренняя, стихира по 50-му псалме (цит. по электронной версии <http://www.orthlib.ru/>).

³⁰ Миней 23 сентября (Иннокентий Иркутский), утренняя, канон, песнь 4.

³¹ Миней 20 декабря (Иоанн Кро́нштадтский), кра́егра́нне.

4.2. Новые реалии и их наименование в цел гимнографии. Канонизации конца XX–XXI в. поставили перед составителями служб новопрославленным святым задачу подобрать слова для обозначения реалий, с которыми гимнографы предшествующих эпох не сталкивались. Приведем примеры: *Оубы пѣмъ; оубы, копѣху испокѣдницы ршсѣиотѣи, видѣце ѡкв кезѣмнѣи кѣборцы стѣбнѣи землѣи пѣшеа разорѣша, ѡбнѣслаи ѡкв оубнѣнца темнѣицнаа годѣаша, храмѣи ежѣа кѣ сквернаа и позорѣннаа мѣстѣи ѡкратѣиша и крѣвь хрѣтѣискѣю кѣ нѣхѣ пролѣша [там же: 18]; Кезѣбжѣи кѣишкѣи кѣдѣи стѣбнѣи црѣкѣвнѣа поругѣише и ѡгнѣи предѣиша, ѡбнѣслаи разорѣиша, храмѣи ѡкв ѡбнѣннаа хранилищаа годѣаша, хрѣтолюбѣи кѣа лѣди кѣ темнѣицы заклучѣиша и оумѣиша [там же].* Специально остановимся на последнем примере. Строго говоря, выражение *ѡбнѣннаа хранилищаа* не является инновацией. Оно неоднократно встречается в Писании и соответствует греческому *τὸ ἀποροφιλᾶκιον* — ‘сторожка, шалаш, в котором живет сторож огорода’. Чаще *овощное хранилище* используется в риторических конструкциях, чтобы показать, в какое ничтожество превратятся большие цветущие города и земли: *Бѣже, приидѣша ѡзѣицы кѣ догѣолнѣ чѣкоѣ, ѡкквернѣиша храмѣи стѣбнѣи чѣкоѣи, положиша ѡзѣицѣи ѡкв ѡбнѣннаа хранилищаа (εἰς ἀποροφιλᾶκιον): положиша грѣшнѣа рѣкѣи чѣкоѣи крѣишо птицама нескѣирымѣа, плѣтѣи приѣиныхѣи чѣкоѣи скѣтѣрѣмѣа земнѣицѣа³². И положиша самарѣи ѡкв ѡбнѣннаа хранилищаа (εἰς ἀποροφιλᾶκιον) тѣишѣи³³; Бегѣи рѣди влѣкѣа дѣла стѣишѣи ѡкжеи нѣкѣа ижѣишѣишѣа, и ѡзѣицѣи ѡкв ѡбнѣннаа хранилищаа вѣдѣтѣа (εἰς ἀποροφιλᾶκιον ἔσται)³⁴. Преклонѣиша и погратѣиша землѣа ѡкв ѡбнѣннаа хранилищаа (εἰς ἀποροφιλᾶκιον), и ѡкв пѣишѣи и шѣишѣи на дѣтѣа и не кѣишѣишѣи кѣишѣишѣи, превѣишѣишѣи ѡкв на нѣи кезѣзѣкѣишѣи³⁵. Во всех этих примерах содержится описание катастрофы, крушение цветущего города и земли и превращение их прежней роскоши в убогий шалаш на краю виноградника. В русском языке *овощное хранилище* ассоциируется с *овощехранилищем* — складским помещением, предназначенным для хранения овощей. А поскольку закрытые храмы действительно переоборудовались в*

³² Пс. 78.1–2. В Синодальном переводе: *Иерусалим превратили в развалины.*

³³ Михей 1.6. В Синодальном переводе: *Сделали Самарю грудой развалин.*

³⁴ Михей 3.12. В Синодальном переводе: *Сделается грудой развалин.*

³⁵ Исаия 24.20. В Синодальном переводе: *Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель.*

склады и овощехранилища³⁶, старое словоупотребление приобрело совершенно новый смысл.

5. Общественная реакция на дискуссии, касающиеся церковнославянского языка. О том, что церковнославянский язык присутствует в современной культуре, свидетельствуют постоянные общественные дискуссии о языке богослужения. Идею каких бы то ни было изменений, касающихся богослужебного языка, общество воспринимает так же болезненно, как идею реформы русской орфографии. При этом невозможными кажутся не конкретные решения, а сам факт реформирования.

Приведу лишь один пример. В 2011 г. Межсоборное присутствие РПЦ вынесло на всеобщее обсуждение проект «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». При всех своих недостатках этот документ впервые после Собора 1917–1918 гг. предлагает рассматривать проблему литургического языка как общецерковную. Принятие подобного документа, называющего языковые проблемы в числе значимых церковных задач, могло бы серьезно изменить ситуацию с изучением и преподаванием церковнославянского языка.

Однако к содержательной дискуссии общество оказалось не готовым. Вынесение на всеобщее обсуждение документа о языке было воспринято как покушение на символ. И количество желающих защитить этот символ было очень большим. К 16 документам, размещенным для обсуждения на портале Межсоборного присутствия, появилось 2290 комментариев. Из них 1709 относятся к проекту «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». На втором месте идет проект «О научном переиздании Триодей в редакции Комиссии по исправлению богослужебных книг» — 291. На третьем — «О принятии в лоно Церкви приходящих из расколов» — 85, на четвертом — «Об отношении Церкви к разнообразным переводам богослужебных книг» — 77. А к проекту «О миссионерской деятельности» было дано всего 2 комментария [Великанов 2012].

³⁶ Приведем характерную зарисовку, сделанную писателями, которые вполне разделяли советскую идеологию: «У белых башенных ворот кремля две суровые старухи разговаривали по-французски, жаловались на советскую власть и вспоминали любимых дочерей. Из церковного подвала веяло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель».

— Храм Спаса на картошке, — негромко сказал пешеход» [Ильф и Петров 1975: 7].

При этом подавляющее большинство комментариев, естественно, не имеет никакого отношения к делу. Участники дискуссии защищают символ, а не стремятся решить реально существующие проблемы литургического языка.

Некоторые выводы. Таким образом, богослужебный язык Русской церкви можно с одинаковыми основаниями изучать и в рамках истории славянских языков, и в рамках проблематики современного русского языка. С точки зрения функционирования церковнославянский язык нельзя рассматривать как язык мертвый. Существенная часть церковнославянских текстов продолжают использоваться так же, как они использовались непосредственно после их создания. Если при чтении, например, летописей для читателя всегда остается существенным то, что это памятник, относящийся к определенной эпохе, то для верующего, который читает Псалтирь или Молитвослов, время создания этих текстов оказывается несущественным. Он читает *современные* книги, принятые в современной церковной практике.

Литература

- Августин 1885 — *Еп. Августин (Гузницкий)*. По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова» // Труды Киевской духовной академии, № 11, 1888, С. 75–103.
- Балаинов 2001 — *Николай Н. Балаинов, прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
- Белякова 2004 — *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.
- Бусева-Давыдова 2007 — *Бусева-Давыдова И. Л.* «Святая Русь»: к вопросу о содержании понятия // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 4. М., 2007.
- Великанов 2012 — *Павел Великанов, прот.* Опыт интернет-обсуждения документов Межсоборного присутствия // Электронный ресурс: <http://www.bogoslov.ru/text/2413716.html>.
- Голубев 1913 — *Голубев В.* Трехсотлетие великого воспоминания. М., 1913.
- Голубиная книга 1991 — Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков / Сост., вступит. статья и примечания Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокшиной. М., 1991.
- Добровольский и др., в печати — *Добровольский И. С., Калужнина И. В., Кравецкий А. Г., Людоговский Ф. Б., Плетнева А. А., Хитров А. И.* Корпус современного церковнославянского языка: единство, вариативность, методы описания (в печати).

- Жуковский I — Полное собрание сочинений В. А. Жуковского: В 12 т. / Под редакцией А. С. Архангельского. Т. 1. М., 1902.
- Ильф и Петров 1975 — *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М., 1975.
- Кравецкий и Плетнева 2001 — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М., 2001.
- Кравецкий 2008 — *Кравецкий А. Г.* Контрверза Москва–Санкт-Петербург в зеркале церковнославянской орфографии // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології. Megaling 2007. Київ, 2008. С. 177–185.
- Кравецкий, в печати — *Кравецкий А. Г.* Петербургские полиглоты конца XIX века // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. <2012–2013>. М., в печати.
- Кравецкий и Плетнева 2003 — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* К вопросу о формировании учебной редакции богослужебных книг // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2002–2003>. М., 2003. С. 454–476.
- Кузьминова 2000 — Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000.
- Кузьминова 2007 — Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. комм., подготовка текста и составление указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.
- Людоговский 2006 — *Людоговский Ф. Б.* Функционирование и эволюция служебного и четьего вариантов славянского Евангелия в эпоху книгопечатания: постановка проблемы // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004–2005>. М., 2006. С. 400–419.
- Людоговский 2010 — *Людоговский Ф. Б.* Ветхозаветные паремии в составе современного церковнославянского минейного корпуса // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2006–2009>. М., 2010. С. 523–545.
- Людоговский 2010а — *Людоговский Ф., свящ.* Церковнославянский акафист: структуры и константы // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. статей. Волгоград, 2010. С. 47–68.
- Людоговский и Плякин 2010 — *Людоговский Ф., свящ., Плякин М., диак.* Хвалебные гимны подвижникам // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 6. С. 70–76.
- Людоговский и Плякин 2013 — *Людоговский Ф., свящ., Плякин М., диак.* Жанр акафиста в XXI веке // Попов А. В. Православные русские акафисты. М., 2013. С. 586–636.
- Mathiesen 1984 — *Mathiesen R.* The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries) // Aspects of the Slavic Language Question / Ed. by R. Picchio and G. Goldblatt. Vol. I. New Haven, 1984. P. 45–65.
- МО 2011 — Минейная общая новомученикам и исповедникам Российским. М., 2011.

- Одоевский 1958 — *Одоевский А. И.* Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Л., 1958.
- Осипов 2010 — *Осипов Б. И.* Судьбы русского письма. История русской графики, орфографии и пунктуации. М.; Омск, 2010.
- ПЛДР 1987 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.
- ПЛДР 1988 — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 1. М., 1988.
- Плетнева — *Плетнева А. А.* Епископ Августин Гудяницкий и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2001>. М., 2002.
- Попов 2013 — *Попов А. В.* Православные русские акафисты. М., 2013.
- Резолюции 1924 — Резолюции Предсоборного совещания 1924 г. // Церковное обновление, 1924. № 7–8.
- Служба Ермогену 1917 — *Служба свѣтлыи и чюдотворцѣ ермогенѣ. И здѣни московскаго колѣннѣго оубиискаго собора. Москва. Бѣнодѣльнѣ типографѣ, лѣтѣ.*
- Слуцкий 1913 — *Слуцкий М. И.* 300-летие царствования благословенного Дома Романовых. СПб., 1913.
- Федотов 1991 — *Федотов Г.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
- Чуриловский 2009 — *Чуриловский Н. Ф.* Новая богослужбная книга: *Дѣния доводнѣтельнѣ* // Прибавления к Церковным ведомостям. № 51–52, 1909. С. 2441–2447.

